

Странные и прекрасные вещи происходят с каждым из нас ежедневно. Маленькие истории и значительные события влияют на нашу жизнь, наш характер, нашу судьбу. Ирландский философ, эстет, писатель, поэт Оскар Уайльд однажды сказал, что «...жизнь не делится на мелочи и важные вещи. В жизни все одинаково важно...». Рассказывая истории из своей жизни, мы делимся друг с другом своими воспоминаниями. Они бывают смешными и забавными, грустными и тяжелыми, но все равно остаются для нас важными. Газета «Вести» продолжает публикацию интересных историй из жизни простых людей нашей страны под общей рубрикой «Однажды...».

Однажды в кафе

Я была очень поздним ребенком в нашей семье. Моим родителям-одногодкам в ту пору на двоих было уже восемьдесят лет. Мама была увлечена преподавательской деятельностью в институте, она была кандидатом педагогических наук. Папа – инженером с большой буквы. Все родственники по маминой линии были представителями научной интеллигенции. Папины близкие были попроще, но нисколько не уступали в своем воспитании и эрудиции. Их спокойная размеренная жизнь, состоящая из светских вечеров, встреч и переговоров закончилась, когда родилась я.

С детства меня называли юлой. Закрученный волчок ураганом сбивал мамины фарфоровые статуэтки, нечаянно бил посуду. Я рано пошла, быстро научилась читать, с легкостью заучивала наизусть огромные оды. В детском саду меня ставили в центр группы, маленькие стульчики расставляли вокруг, усаживали детей, и я начинала концерт. Так воспитатели могли передохнуть, а я восхитить плохо говорящую сопливаю публику. Своим зрителям я читала стихи, танцевала, рассказывала сказки. Быть центром внимания для меня не составляло труда, концерты проходили и дома под овации моих родителей или их коллег по работе. Мама всегда удивлялась, что мы совсем не похожи. Она с детства читала книги. Друзей у нее было мало. Самое шумное в ее доме детства было только радио «Маяк». Я же без музыки жить не могла. Сама записывала музыкальные сборники. У меня была очень модная стереосистема. Громко пела песни. Друзей и подруг было так много, что их телефоны пришлось записать в три записные книжки (тогда они были бумажными). Учеба мне давалась легко. Школу я закончила успешно.

После выпускного бала родители усадили свою егозу напротив и завели нудный разговор о смысле жизни и будущей профессии. Мама была уверена, что я пойду учиться в институт, где она преподавала педагогику. После его окончания я непременно должна была защитить докторскую диссертацию по какому-нибудь направлению. Папа видел во мне серьезного специалиста в области градостроительной деятельности и архитектуры. Я, улыбаясь, смотрела на них и никак не могла понять, неужели все семнадцать лет они не видели, что за человек растет в их доме. К моменту окончания десятилетки я уже год ходила на подготовительные курсы сценического мастерства и не представляла своей жизни без сцены. Услышав мое решение, родители кричать не стали, но по их лицам я поняла, что не оправдала их надежд. Мама глубоко и грустно вздохнула, опустив глаза. Отец пытался объяснить, что актриса – это не профессия, а просто хобби. Но я давно все решила и не собиралась отступить.

В городе, где я выросла, было три театральных института. Я поступила в лучший из них. Жизнь закружилась еще быстрее. Учеба, первые попытки создать театральные студенческие кружки, интересные педагоги, смех, слезы, победы, неудачи. Все вертелось, как в калейдоскопе. Одно сменялось другим. На втором курсе к нам перевелся прекрасный юноша – Аполлон. Звали его Миша, но во всем ином – это был настоящий греческий Бог Солнца. Высок, широк в плечах, красив, обладал приятным завораживающим голосом. Конечно, я увлеклась им. Миша имел шумный успех среди девчонок нашего курса, был приятен в общении, обладал чувством юмора. Однажды нам дали домашнее задание на двоих. После этого мы стали близки по-настоящему. Я была счастлива. Нам говорили, что мы красивая пара. В дипломном спектакле мы играли влюбленную пару, которую нам совсем не надо было играть – мы и так любили друг друга. После выпуска из театрального вуза мы поженились.

Распредели нас вместе, в один театр. Правда, режиссеру театра творчество моего мужа совсем не нравилось. На репетициях режиссер хвалил меня, говорил, что во мне есть свет, который нужен людям, но мужу кричал, чтобы тот перестал собой любоваться, а начал работать. Все свое негодование Миша вымещал дома на мне или с друзьями в ресторане. Тогда наша счастливая жизнь дала первую трещину. Чем лучше я играла на сцене, тем хуже заканчивался мой вечер дома. Однажды мужу предложили провести юбилейный вечер какого-то важного человека. Все прошло великолепно. Легкие деньги, сумасшедший успех быстро вскружили голову моему Мише, и он решил бросить театр, чтобы стать профессиональным тамадой. Поначалу мне казалось: как здорово, что Миша нашел себя, но позже меня стало пугать его занятие – вечеринки, алкоголь, доступные женщины. По ночам его не было дома, наутро он клялся в любви и верности, обещая найти новую работу. На мои премьеры ходили только родители. Они дарили цветы, восхищались моим талантом.

Через год я узнала, что беременна, правда, эта новость обрадовала только меня. Миша сказал, что сейчас не время рожать детей и попытался убедить меня сделать аборт. Его предложение сработало как холодный душ. Я вдруг очнулась ото сна. Передо мной стоял жестокий, холодный, равнодушный мужчина, которому плевать на мою жизнь и жизнь своего ребенка. Для развода я была еще не готова, но мысль о том, что я проживу с ним до конца своих дней, улетела навсегда.

После рождения сына, Миша работу не поменял. Он придумал себе дополнительное занятие, о котором ничего не рассказывал, но его не бывало дома теперь еще и днем. Родители помогали мне как могли. Я видела, как они любили своего единственного внука Сашеньку. Но все «прелести» новорожденного дитя мне делить было не с кем. Когда Сашулька окреп, я вернулась в театр. Правда, войти в прежнее русло было невероятно тяжело. Я стала быстрее уставать, засыпала за кулисами, часто плакала.

В первый день рождения Саши муж был занят на какой-то вечеринке. Сынок задувал первую свою свечку на торте в компании дедули, бабули и меня. Мы поужинали и разошлись. На пороге дома перед уходом папа вдруг остановился и сказал, чтобы я развелась. Я грустно улыбнулась, поцеловала его и сказала, что не надо за меня переживать. Папа хотел видеть свою юлу – веселую и лучистую, мама – счастливую. Я пообещала, что так и будет. После их ухода я проплакала целую ночь.

Через год мама попала в больницу с обширным инфарктом. Врачи сказали, что после реабилитации необходимо всерьез задуматься о переезде к морю. Мы продали родительскую квартиру и купили небольшой домик на берегу Черного моря, куда мои старики и переехали. Мама была в восторге. Она звонила каждый день и рассказывала о цветах, о солнце, которое светит не так, как дома, о луне, до которой можно дотянуться рукой. Я слушала ее, и на душе становилось тепло и хорошо. С мужем мы совсем перестали видеться. Изредка он влетал домой, чтобы переодеть рубашку, а потом снова исчезал на несколько дней. В театре стали шептаться, что видели Мишу в компании женщины, которую вот уже несколько месяцев он сопровождал на вечеринках и ресторанах. После очередной порции слухов я попыталась убедить себя, что все это – вранье. Но в тот же вечер в наш дом пришла молодая девушка, которая требовала дать развод ее возлюбленному. В душе моей все перевернулось. Судя по ее рассказам, мой муж оказался банальным картежником и альфонсом.

После того, как в театре сменили режиссера, у нас появилась новая молоденькая

прима. Нам двоим места уже не было. Я решила поменять работу, но что я умела, кроме игры в театре? Однажды, гуляя по парку с сыном, я вспомнила слова отца о своей профессии, которая должны была стать лишь моим хобби.

Когда мы вернулись домой, я услышала, что в доме кто-то есть. Оставив сына в коридоре, я заглянула в спальню и увидела на своей постели обнаженного мужа с той самой молодой девицей, которая плакала на моем плече о своем разбитом сердце. Мир рухнул. Мы с мужем давно стали чужими, но принять такое гадкое предательство я не была готова. Девица, увидев меня, мгновенно оделась и ушла. Муж начал что-то неразборчиво мычать. Он надел штаны и вышел в коридор, попытался протянуть руки к сыну. Саша начал громко плакать и бросился ко мне. Я прижала своего родного сынишку к себе и поняла, что мой муж стал чужим не только для меня, но и для моего сына. Миша обвинил меня в том, что я испортила ему жизнь, карьеру в театре. Его непризнанный талант растрочен в пустоту лишь потому, что раскрыться ему мешала я. Потом он перешел на то, что я не женщина, а бревно, холодная и равнодушная. Я влепила ему пощечину и в тот же вечер собрала вещи. Переночевав у подруги, утром я отправилась к родителям на Черное море. Мне нужно было, чтобы волны теплого моря стерли из моей памяти картинки последних лет этой замужней жизни. Открыв калитку, папа все понял без слов. Родители приняли меня очень хорошо, без лишних расспросов, сразу накрыли на стол. Мы выпили дорогого красного вина, я захмелела, оттаяла и рассказала, что приехала к ним навсегда.

Первый месяц я ходила на пляж, гуляла по берегу, созерцала роскошную природу, пыталась собраться с мыслями, но ничего не получалось. Вокруг была красота, но на душе – пустота. Мы с Сашей прописались на новом месте, я устроила его в детский сад и решила заняться поиском работы, нужно было начинать жизнь с начала. Прогуливаясь по набережной, я увидела здание местного театра. В душе моей стало тепло, но зайти туда я не решилась. Напротив здания театра находилось кафе, напоминающее большую беседку. Архитектура этой постройки меня очень заинтересовала. Правда, когда я зашла вовнутрь, очень расстроилась. Это была «совдеповская» столовка, с таким же «ненавязчивым» сервисом. Покрутившись в холле, я вышла. Оглядев кафе еще раз, я произнесла слова: «Жаль, а здесь можно было организовать театральное кафе». За спиной я услышала продолжение своей фразы: «И проводить литературные вечера». Я обернулась и добавила: «Да, да и поэтические тоже». На меня смотрел высокий мужчина, не очень приятной наружности. Он попытался познакомиться, но для флирта у меня не было настроения. Буркнув, что на улицах не знакомлюсь, я пошла дальше по набережной. Мужчина оказался настойчивым. Он шел рядом и говорил какие-то глупости, но почему-то мне было приятно его внимание. Может, потому, что я уже давно была одна, может, потому, что совсем забыла, что я женщина. Он проводил меня до дома и взял обещание, что мы встретимся завтра. Я не собиралась крутить курортный роман, тем более встречаться с этим незнакомцем, поэтому решила пораньше уйти из дома. На рассвете я сходила на

рынок, потом отправилась в кафе. На этот раз я увидела объявление о приеме на работу. Отыскав директора, я предложила взять меня на работу администратором кафе, с правом внести свои предложения. Сонная крупная женщина, зевая, согласилась на мой эксперимент с оговоркой, что перемены не повлекут больших затрат. Выходя из кафе, я была уже трудоустроена. Вприпрыжку я побежала в строительные магазины, магазины ткани и фурнитуры. В моей голове уже созрел план оформления своего нового места работы. Выписав счета, я решила дома закончить план реконструкции своего театрального кафе...

Подойдя к калитке, я увидела огромный букет роскошных роз, стоявший в вазе на столе возле дома. Странно, подумала я, на улице был апрель. Даже для побережья Черного моря рановато для таких цветов. Сашенька выскочил мне навстречу, прижался ко мне, сказал, что очень скучал. Я подхватила его на руки, зашла в дом и с жаром стала рассказывать родителям о своем новом плане. Все с восторгом встретили мою идею. Наверное, они больше радовались тому, что я снова захотела жить и гореть. Вдруг я обернулась и увидела, как из ванной комнаты вышел тот самый незнакомец. «Мама, а что он здесь делает?», – изумленно спросила я. «Доченька, ты влетела, ничего не дала объяснить. Это Александр Сергеевич». «Пушкин», – добавила я. «Да нет же, он сказал, что ты ему назначила встречу, а сама опоздала, мы решили пригласить Александра Сергеевича в дом, не стоять же ему на улице». Я в бешенстве выскочила из дома, «Пушкин» вышел за мной. «Не сердитесь, я сейчас уйду. Вы мне очень понравились, я хочу вам помочь преобразить то кафе, у которого мы встретились». Я очень холодно сказала, что не нуждаюсь в его участии, и уж тем более в покровительстве. Кроме того, в кафе меня и так уже взяли. Тезка моего сына ушел. Вернувшись домой, я поругала родителей за беспечность: а вдруг бы он оказался вором. «Доченька, воры не приносят цветы», – сказала мама и пошла накрывать на стол. За ужином она рассказала о соседке, которая одна воспитывает внучку. Чтобы ее содержать, соседка построила небольшой парник, в котором выращивает розы на продажу. Тот «Пушкин» не просто принес мне цветы, он помог соседке избежать ночного обхода ресторанов и кафе. В этот вечер наш гусар сделал соседке выручку целых двух дней. «Как благородны бывают мужчины, пока им интересна чья-то юбка», – ответила я. Папа поморщился от моей колкости, он тоже в молодости заваливал маму цветами. Продолжать эту тему мы не стали.

На следующее утро, я отправилась защищать свой проект на правах администратора кафе. Удивительно, но все приняли на ура! Небольшая бригада помогла мне устроить целую революцию. Работали по ночам, чтобы днем не закрывать кафе на ремонт. Я познакомилась с режиссером театра напротив, высказала свою идею, предложила сотрудничать. Позже познакомилась с труппой. Они меня встретили, как родную. Я ходила на их генеральные прогоны, они – на мои премьерные блюда. Целый месяц я трудилась, подбирала интерьер, меню, готовила мероприятия. Я крутилась, как заводная, поэтому не сразу заметила, что на барной стойке моего кафе каждое утро

появляются свежие розы. Без записки или других сообщений я знала, что это проделки моего «Пушкина». Целый месяц мы не виделись, но его присутствие я чувствовала каждый день. Возвращаясь с работы, я решила познакомиться с нашей соседкой - хозяйкой розария. Мария Иванова встретила меня очень хорошо, она подтвердила слава мамы. Действительно, однажды высокий, некрасивый мужчина с приятным бархатистым голосом увидел в ее саду тепличку с розами. С тех пор соседка перестала испытывать нужду. Мария Ивановна говорила об Александре Сергеевиче с теплом и благодарностью. Она рассказала, как тяжело умирала ее дочь, оставив внучку на воспитание, как тяжело таскать неподъемные корзины цветов, как вечерами она мучилась от боли в коленях, а тут такой сюрприз: «Пушкин» предложил построить теплицу побольше.

Не знаю отчего, но история моей соседки меня очень порадовала. Конечно, так странно за мной после развода, кроме «Пушкина», еще никто не ухаживал, но мне чрезвычайно приятно было за то, что цветы, предназначенные мне, облегчают жизнь целой семье. Я поняла, что «Пушкин» стал занимать в моем сердце места больше, чем ему было положено. И когда через неделю цветы перестали появляться в нашем кафе, я заволновалась.

Переждав несколько дней без цветов, я решила снова навестить соседку. Она с горечью сообщила, что Александр Сергеевич сказал, что уезжает. Благодетель обещал скоро вернуться, но мы понимали, что отпуск закончился, и он не вернется сюда никогда. У меня перехватило дыхание, но основной удар был еще впереди. Кафе купил предприниматель из соседнего города. Никто его в лицо не видел, но говорили, будто он из кафе хочет сделать что-то вроде «Макдональдса».

Сначала я жутко расстроилась. Столько сил и трудов вложено для жареной картошки? Да, я была плохой, слепой женой, нужно было бороться либо за семью, либо за себя. Жизнь начала вроде бы налаживаться и тут – на тебе, получи очередную оплеуху. Смахнув несколько слезинок, я собрала персонал, театральную труппу, с которой был составлен план потрясающих вечеров, и сказала, что за этот проект я буду бороться. Мне аплодировали стоя, было легко и приятно за свою решительность.

Три дня я готовила речь для будущего хозяина моего кафе. Родители меня подбадривали как могли, получалось у них великолепно. Наши вечерние разговоры были похожими на речь тренера с боксером перед рингом: «Давай, ты сделаешь это!». Сашенька входил в раж вместе с родителями и, показывая бицепсы на своей тоненькой руке, говорил, что вступить за меня, если что. Я смотрела на своих защитников, и

слезы радости наполняли мои глаза – у меня есть своя группа поддержки.

День встречи наступил. Собравшись с силами, я переступила порог кафе. Было очень тихо, а на столе в центре зала стояла ваза с огромными красивыми розами. «Пушкин», подумала я и стала лихорадочно вертеть головой.

– Да, это я, – услышала в ответ.

– Но я ничего не сказала.

– Однако я умею читать твои мысли, – сказал Александр Сергеевич, выходя из гардероба.

Поскольку сейчас было не время для свидания, я сказала, что скучала, но предложила встретиться позже. На что Александр Сергеевич объявил, что он и есть собственник кафе. Только я собралась накинуться на него со своей жаркой речью, как услышала простые слова: «Все будет, так как сама захочешь». Я одержала победу, не проронив ни слова. Вечером того же дня случился наш первый поцелуй, и мы открыли наше новое литературное кафе под названием «Пушкин».

Многое было еще впереди: мой развод, строительство оранжереи, появление новой семьи, рождение нашей дочери, но самое главное – я исполнила обещание, которое дала когда-то своим родителям – стала счастливой.

Ариша ЗИМА